

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Три тома. Москва. 1866.

(Статья первая.)

Нельзя и „Военному Сборнику“ не сказать своего слова о запискахъ, возбуждавшихъ столько разнообразныхъ толковъ, столько противоположныхъ сужденій и въ журналистикѣ, и въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ онѣ печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Если бы „Воспоминанія“ Вигеля не заключали въ себѣ никакихъ данныхъ, относящихся къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ обязанъ говорить военный журналъ, то и въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы отвести мѣсто въ библиографіи „Военнаго Сборника“, какъ мемуарамъ человѣка, который много видѣлъ, слышалъ и испыталъ на своемъ вѣку.

Но мемуары Вигеля имѣютъ право на вниманіе военныхъ читателей и потому еще, что содержатъ въ себѣ порядочный запасъ военно-историческихъ фактовъ, относящихся преимущественно къ царствованію императора Александра I. Конечно, какъ гражданскій чиновникъ, Вигель не всегда могъ вѣрно судить о значеніи того или другаго военно-историческаго явленія, оцѣнивать заслуги того или другаго „военнаго дѣятеля; но, какъ умный наблюдатель и какъ современникъ колоссальныхъ военныхъ событій, совершившихся при императорѣ Александрѣ, онъ передаетъ ихъ съ характеристическими подробностями, бросающими свѣтъ на дѣла и на дѣятелей. На эти-то стороны „Воспоминаній“ мы и обратимъ прежде всего вниманіе чита-

телей и затѣмъ уже выскажемъ наше мнѣніе о положительныхъ и отрицательныхъ качествахъ записокъ, авторъ которыхъ родился при Екатеринѣ II, былъ зачисленъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно продолжалъ ее при Александрѣ I и кончилъ при Николаѣ.

По общепринятому въ мемуарахъ правилу, авторъ касается своей родословной. Дѣдъ его владѣлъ помѣстьями въ Эстляндіи. Это былъ, въ своемъ родѣ, оригинальный человѣкъ. Онъ почти съ дѣтства служилъ подъ знаменами Карла XII и въ чинѣ капитана драбантскаго полка, имѣя едва двадцать лѣтъ отъ роду, попался въ плѣнъ подъ Полтавою. Сдѣлавшись русскимъ подданнымъ, Лаврентій Вигель никакъ не могъ сродниться съ этою мыслию: онъ всегда плакалъ при имени своего бывшего короля-героя, всегда ненавидѣлъ Россію и доказалъ свою ненависть къ новому отечеству тѣмъ, что, изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ послалъ служить отъявленному врагу Россіи, Фридриху II. Изъ нихъ трое погибли отъ русскихъ пуль, штыковъ и ядеръ, а уцѣлѣвшій дослужился до генераль-маіора и умеръ комендантомъ Торунн (Торна). Правда, трехъ младшихъ сыновей своихъ (въ томъ числѣ и отца Вигеля) Лаврентій Вигель рѣшился посвятить Россіи, отдавъ ихъ въ кадетскій корпусъ; но и тутъ побудительною причиною была затаенная мысль: наследникъ престола послѣ императрицы Елисаветы Петровны, Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштейнскій, внукъ сестры Карла XII и, какъ извѣстно, поклонникъ Фридриха II, хотя съ юныхъ лѣтъ жилъ въ Россіи и былъ крещенъ въ православную вѣру, но никогда не могъ сдѣлаться русскимъ. Въ это время онъ носилъ званіе шефа сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса... Такимъ образомъ, когда одна половина семейства дѣда автора записокъ проливала русскую кровь, другая воспитывалась на русскія деньги. „Старая Россія, въ незлобii и безпечности, во всемъ походила на нынѣшнюю“, замѣчаетъ, по этому случаю, Вигель.

Авторъ упоминаетъ еще объ одномъ чудакѣ изъ своей родни, о генералѣ Сандерсѣ, сынѣ старшей сестры своего отца. Сандерсъ дрался въ первый разъ, въ чинѣ поручика, при Кагулѣ, въ 1770 году, а въ послѣдній разъ, въ чинѣ генераль-маіора, подъ Парижемъ, въ 1814 году, и затѣмъ былъ назначенъ комендантомъ въ Измаилъ, на штурмъ котораго бился три раза. Весь израненный, Сандерсъ былъ однако

здоровъ, бодръ и веселъ до самой смерти своей, тоже необыкновенной: будучи уже въ отставкѣ генераль-лейтенантомъ, онъ на 90-мъ году жизни поѣхалъ изъ Измаила въ Петербургъ, и 1-го января 1836 года, въ самый день своего рожденія, когда ему исполнилось ровно девяносто лѣтъ, умеръ на парадной лѣстницѣ Зимняго дворца.

Отецъ Вигеля, произведенный въ послѣдній годъ царствования императрицы Елисаветы въ прапорщики, былъ оставленъ въ кадетскомъ корпусѣ для преподаванія наукъ и, какъ нѣмецъ и знатокъ фронтовой службы, обратилъ на себя особенное вниманіе наследника престола. Вступивъ на престолъ, императоръ Петръ II сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими и въ продолженіе шести мѣсяцевъ произвелъ своего любимаго офицера въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики (штабъ-капитаны). „Съ величайшимъ любопытствомъ—говоритъ Вигель—прислушивался я въ ребячествѣ къ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтеляхъ его, Петрѣ II. Съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія, чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находившихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ всѣмъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.“

Отъ отца своего, прослужившаго болѣе тридцати лѣтъ при Екатеринѣ, Вигель слышалъ многое и о Потемкинѣ. Хотя представляемая имъ характеристика этого всесильнаго тогда человѣка и согласна вообще со сказаніями о князѣ Таврическомъ другихъ современниковъ, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ болѣе или менѣе противорѣчитъ имъ. Такъ Вигель повѣствуетъ, будто Потемкинъ никогда не употреблялъ во зло свое могущество, былъ вовсе не мстительнъ, не злопамятенъ. Отважный, властолюбивый, то лѣnivый до неподвижности, то дѣятельный въ высшей степени, Потемкинъ олицетворялъ въ себѣ достоинства и недостатки русскаго человѣка, а, между тѣмъ, русскіе не любили его. Вигель объясняетъ эту загадку

тѣмъ, что Потемкинъ, помимо власти, которою былъ облеченъ, обладалъ необыкновенною нравственною силою характера и ума: *въ немъ страшились не того, что онъ дѣлаетъ, а того, что можетъ сдѣлать.* Потемкинъ не позволялъ себѣ ни бранныхъ, ни ругательныхъ словъ съ подчиненными, въ немъ не было и того, что привыкли называть спѣсью; но въ самомъ простомъ обхожденіи его таилось что-то особенно обидное; его взглядъ, его тѣлодвиженія какъ-будто говорили присутствующимъ: „вы не стоите моего гнѣва“. Словомъ, невзыскательность, снисходительность князя Таврическаго имѣли источникомъ *глубочайшее презрѣніе къ людямъ...*

Черезъ Потемкина отецъ Вигеля получилъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, мѣсто оберъ-коменданта въ Кіевѣ, который въ то время былъ городъ пограничный, почти столица Малороссіи, и мало имѣлъ общаго съ губернскими городами внутренней Россіи. Изъ воспоминаній автора о Кіевѣ не лишена интереса замѣтка о тогдашнемъ начальникѣ инженеровъ въ этомъ городѣ, характеризующая взглядъ стариннаго русскаго дворянства на такъ называемый ученый родъ военной службы, т. е. на генеральный штабъ, на артилерію и на инженерный корпусъ. Никто изъ богатыхъ и знатныхъ представителей дворянскаго сословія не хотѣлъ служить въ этихъ родахъ войскъ, особенно въ инженерахъ; никто не думалъ учиться военнымъ наукамъ; все гонялось за наружнымъ блескомъ, все стремилось въ гвардію, и потому названныя части наполнялись преимущественно офицерами или изъ недворянъ, или изъ иностранцевъ, между которыми, по увѣренію Вигеля, *на половину было въ то время бродягъ.* Такъ нѣкто Шардонъ или де-Шардонъ, поступивъ въ нашу службу инженеромъ, достигнулъ генеральскаго чина; но никто не зналъ ни его рода, ни его племени: французъ, да и только — этого было довольно. Въ качествѣ француза, москѣ Шардонъ, разумѣется, не хотѣлъ учиться по-русски; однако зналъ нашъ языкъ на столько, чтобы, при наказаніи за какую-нибудь бездѣлицу своего деньщика, скопировать: „клади его на сюртурокъ и давай ему сто палкъ!...“ Вигель выражаетъ догадку, что Шардонъ былъ прежде работникомъ у оптическаго мастера, потому что руки его носили слѣды ремесленныхъ работъ и онъ вѣчно занимался изготовленіемъ барометровъ и термометровъ, которыми снабжалъ, конечно за деньги, весь Кіевъ. Кромѣ того москѣ былъ великій

штукаръ и эскамотёръ. „Мнѣ приходитъ иногда на мысль — прибавляетъ авторъ — что господа французы, прежде отправленія въ Россію, вѣроятно, совѣтуются между собою, а можетъ быть и мечутъ жребій, кому за кого себя выдавать. Инженерная часть выпала на долю мусью Шардону...“

Почти всѣ современники царствованія Екатерины II описываютъ эту эпоху съ какимъ-то восторженнымъ чувствомъ. То же замѣтно и въ „Воспоминаніяхъ“ Вигеля. Если взглянуть въ причины такого благоговѣнія къ Екатеринѣ тѣхъ, которые были свидѣтелями ея дѣлъ, то оно объясняется какъ нельзя болѣе просто и естественно. Только въ царствованіе этой государыни воспринялъ народный духъ, подавленный иноземцами при Аннѣ и едва начинавшій пробуждаться при Елисаветѣ: только при Екатеринѣ явились первые признаки національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма, образовалось что-то похожее на общее мнѣніе, стали устанавливаться понятія о чести, о личной свободѣ, о значеніи законовъ. Побѣды Румянцова, Суворова производили на современниковъ истинно-обаятельное дѣйствіе и заставляли гордиться именемъ русскаго. Такъ немудрено, что вѣсть о кончинѣ поборницы русскаго славы словно громомъ поразила современную Россію. „Какъ описать видѣнное мною! восклицаетъ Вигель. — Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ съвозъ слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ; помню изъясненіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ поданнымъ.... Онъ явился на тронъ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣни предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра...“

Извѣстно, что въ числѣ многихъ перемѣнъ, которыми ознаменовалось новое царствованіе, было и переобмундированіе русскаго арміи. Въмѣсто одежды екатерининскихъ воиновъ, признанной женоподобною, явился костюмъ, который своею странностію изумилъ современниковъ. Видно, и на мальчика-Вигеля онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, потому что въ „Воспоминаніяхъ“ сообщается подробное описаніе павловской военной формы. Что же особеннаго было въ новомъ костюмѣ русскаго арміи? А вотъ судите: длинный и широкій мундиръ изъ довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а съ лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которые спереди совѣмъ почти сходились; шпага между этими фалдами, воткнутая сзади;

ботфорты съ штибельманжетами или штиблеты черного сукна; низенькая, приплюснутая трехугольная шляпа; узкій черный галстухъ; форменная палка съ костянымъ набалдашикомъ; двѣ насащенные надъ ушами букли, длинная коса, туго перебитая проволокой и лентой.... Исключая кавалерійскіе полки, всѣ прочіе были одѣты въ мундиры одинаковаго (свѣтло-зеленаго) цвѣта, но съ отворотами и обшлагами отличительныхъ цвѣтовъ. Перемѣна одежды была только началомъ радикальныхъ военныхъ реформъ. Чтобы возстановить ослабѣвшую въ войскахъ дисциплину и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятыхъ преобразованій, новый императоръ тотчасъ же разослалъ для инспектированія полковъ своихъ бывшихъ гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ въ генералы и въ полковники. Въ Кіевъ былъ присланъ молодой измайловскій полковникъ Малютинъ, и въ числѣ полковъ, которымъ ему надлежало сдѣлать смотръ, находился Кіевскій гренадерскій, шефомъ котораго былъ графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки. Ферзенъ не скрылъ, какъ тяжело ему было „поникнуть лавровой главой“ почти передъ мальчикомъ: онъ умно и вѣжливо замѣтилъ это самому Малютину; но и Малютинъ съ своей стороны поступилъ благородно: рапортъ отъ заслуженнаго воина онъ принялъ съ благоговѣніемъ....

Ферзенъ часто бывалъ въ домѣ отца Вигеля, и потому въ „Воспоминаніяхъ“ помѣщенъ портретъ этого знаменитаго тогда генерала. По описанію Вигеля, графъ Ферзенъ былъ небольшого роста, тщедушенъ, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное, говорилъ тихо и всегда держалъ себя спокойно, даже въ минуты одушевленной бесѣды: только глаза разгорались огнемъ ума и чувства. Этотъ портретъ авторъ дополняетъ слѣдующею характеристикю: „Воинъ Екатерины, Ферзенъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей прильпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла (*). Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего

(*). Изъ этихъ словъ можно вывести заключеніе, что Ферзенъ родился въ Германіи. Онъ былъ изъ ливонскихъ дворянъ, и авторъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду указать, что въ то время ливонскіе дворяне думали больше о Германіи, чѣмъ о Россіи. Самъ Вигель былъ православнаго исповѣданія.

войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, но прибавилъ, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей либо съ Австріей, то опять готовъ вступить, хотя бы простымъ рядовымъ.“ Послѣ этого неудивительно, что Ферзену было горько видѣть своего сына-мальчика, который, живя при матери въ Лифляндіи, совершенно онѣмѣчился къ тому времени, когда отецъ вызвалъ его къ себѣ, въ Кіевъ. „Посудите — сказалъ онъ отцу Вигеля — каково мнѣ глядѣть на него? и глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски!“ Называя побѣдителя Косцюшки *нѣмцемъ, какихъ давай Богъ больше русскихъ*, Вигель приводит замѣчательный фактъ относительно нѣмцевъ, служившихъ при Екатеринѣ въ нашихъ войскахъ: всѣ они дѣлались наконецъ русскими, потому что Екатерина умѣла погасить въ нихъ и въ русскихъ взаимную ненависть, такъ ярко выказывавшуюся при императрицѣ Аннѣ и на минуту пробудившуюся при Петрѣ III. „При Екатеринѣ — прибавляетъ Вигель — одинъ нѣмецкій генералъ обрекъ себя на вѣрную погибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при немъ Барклай былъ послѣ русскимъ Эпиминондомъ.“ (*)

Извѣстно, какъ много екатерининскихъ воиновъ уволилъ отъ службы императоръ Павелъ. Положеніе большинства такихъ отставленныхъ, особенно штабъ и оберъ-офицеровъ, было, по словамъ Вигеля, истинно отчаянное: они считались безъ куска хлѣба и принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и въ помѣщичьихъ домахъ. Напримѣръ, у князя Куракина жилъ въ деревнѣ видный собою майоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда тотъ изволилъ направляться въ свою домовую церковь. За то не было полка въ арміи, въ которомъ не служили бы по два и по три французскихъ эмигранта, и тѣ изъ нихъ, которые носили графскій титулъ — ничего незначившій во Франціи — не только составили себѣ карьеру, но и пережились на знатныхъ и богатыхъ русскихъ дѣвцахъ, сами сдѣлались аристократами, напримѣръ Лавали, Модены.

Много было въ это время диковинокъ, которыхъ мы, люди

(*) Вейсманъ былъ, подобно Ферзену, изъ ливонскихъ дворянъ. Авторъ напоминаетъ геройскую смерть его 21-го юля 1773 г., при атакѣ турокъ подъ Кучукъ-Кайнарджи.

другаго вѣка, и вообразить себѣ не можемъ. Вотъ одна изъ нихъ. Такъ какъ дворянамъ запретили вступать первоначально въ гражданскую службу, то генераль-прокуроръ (по нынѣшнему министр юстиціи) Беклешовъ, сохранившій военный чинъ и военный мундиръ, предложилъ сформировать новый пѣхотный полкъ, подъ названіемъ *Сенатскаго*, не ограничивать числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ и въ одно и то же время преподавать имъ *законовѣдѣніе* и учить ихъ *фронтальной службѣ*. Эта курьезная мысль была приведена въ исполненіе; но какъ вслѣдъ затѣмъ генерала Беклешова отставили, то и Сенатскій полкъ былъ переименованъ въ пѣхотный Митавскій.

Изъ современниковъ воцаренія императора Александра I нѣтъ ни одного, который не говорилъ бы объ этомъ знаменательномъ событіи съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Такъ и Вигель, при всей мрачности своего взгляда на людей и на дѣла не легко поддававшійся увлеченіямъ сердца и воображенія, и тотъ не могъ остаться холоднымъ, видя ликующую Россію. „Послѣ четырехъ лѣтъ — говоритъ онъ — воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена... Но нѣтъ! даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ея управляла, и свобода, вмѣстѣ съ порядкомъ, водворялась въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда: все чувствовали какой-то нравственный просторъ; взгляды сдѣлались у всехъ благосклоннѣе, поступъ смѣлѣе, дыханіе свободнѣе...“

Военный нарядъ подвергнулся реформѣ въ совершенно противоположномъ прежнему смыслѣ: широкіе и длинные мундиры уступили мѣсто узкимъ и короткимъ, едва закрывавшимъ грудь; низкіе отложные воротники превратились въ стоячіе и до того высокіе, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было поворачивать ее. И однакожь военные люди восхищались новою обмундировкою... Несмотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, все дороги наполнились проѣзжающими: это были отставленные и выключенные при Павлѣ генералы и офицеры, которые толпами тянулись въ Петербургъ проситься въ службу, а многіе единственно для того, чтобы взглянуть на юнаго благодушнаго царя. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, все были при-

нимаемы безъ затрудненія; но какъ сотнямъ нажалованныхъ и потомъ отставленныхъ генераловъ не возможно было дать мѣстъ по чину, то ихъ зачисляли по арміи съ жалованьемъ, впредь до назначенія; во всехъ полкахъ удвоился комплектъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Наканунѣ своего торжественнаго вѣздѣ въ Москву, назначеннаго 8-го сентября, государь пожелалъ прогуляться по московскимъ улицамъ одинъ, верхомъ; но его узнали, бросились къ нему, и онъ былъ сжатъ народомъ такъ крѣпко, и вмѣстѣ такъ осторожно, „какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца“. Не было ни крику, ни шуму; только шопотомъ произносились слова: „батюшка“, „родимый“, „красное наше солнышко“; говорилось все, что въ нашемъ народномъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго; цѣловали лошадь государя, его сапоги... 8-го сентября день былъ жаркій, безоблачный; солнце сіяло въ полномъ блескѣ и обливало своими лучами блестящій поѣздъ. Но почти разсѣянно смотрѣли любопытные на позлащенные кареты, на великолѣпные мундиры: общее вниманіе было сосредочено на *одномъ*; все взоры встрѣчали и провожали *одного*... „О какъ онъ былъ чудесенъ!“ восклицаетъ авторъ „Воспоминаній“. — „Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодымъ и красавцемъ; что же былъ онъ въ двадцать-три года?... Александръ почти все время ѣхалъ съ обнаженной головою, ибо у каждой церкви, коихъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями, иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того, что мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковский, въ извѣстномъ своемъ посланіи:

„Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастью и славѣ!...“

Свидѣтели первыхъ четырехъ годовъ царствованія Александра, изумленные обширными и неожиданными мѣропріятіями, клонившимися къ развитію и упроченію внутренняго благоустройства имперіи, не допускали и мысли, что тамъ, на далекомъ западѣ, уже подымалась сила, съ которою скоро должно было послѣдовать наше столкновеніе. Борьба на жизнь и на смерть съ этою силою казалась имъ тѣмъ менѣе вѣроятною, что при самомъ воцареніи Александра завязались наши первыя сношенія съ французскою республикой: еще прежде кончины Павла отправлены были въ Парижъ сначала генераль графъ

Спренгпортень, для разбѣна плѣнныхъ, а потомъ тайный совѣтникъ Колычевъ, для дипломатическихъ переговоровъ. Въ маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ, въ качествѣ дипломатическаго агента. Правда, злодѣйскій поступокъ Наполеона съ однимъ изъ Бурбоновъ (захватъ и разстрѣліаніе принца Ангенскаго) возбудилъ негодованіе нашего двора, и нашъ посланникъ Марковъ, вельможа екатерининскаго вѣка, воображавшій, что имѣеть дѣло съ польскимъ сеймомъ, ускорилъ своимъ поведеніемъ разрывъ, но до войны было еще не близко. . . . „Съ безпечною силой — какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года — смотрѣла Россія на грозныя тучи, собиравшіяся на западъ. Она измѣряла пространство, отъ бурныхъ мѣстъ ее отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила, какъ одинъ ея баталіонъ возстановилъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась и не скрыла своего неудовольствія. . . .“ Передавая свои личныя впечатлѣнія при вѣсткѣ о первой несчастной встрѣчѣ нашихъ войскъ съ бонапартовскими, Вигель говоритъ: „Аустерлицъ ровно ударилъ меня по щекѣ. . . .“ „Больно мнѣ было даже самое имя Острѣльницъ, обстрѣляемыми нашими солдатами угаданное названіе, данное мѣсту сраженія: оно какъ будто находилось уже въ Польшѣ, въ землѣ славянской. *въ нашей*. . . .“ Однакожь въ Москвѣ веселились, и когда туда пріѣхалъ князь Багратионъ, то въ честь его дано было множество праздниковъ, на которыхъ пѣли похвальные куплеты сподвижнику Суворова, поддержавшему честь русскаго оружія. Въ благородномъ собраніи, молодая княжна X*, одѣтая въ каскѣ, въ курткѣ свѣтло-зеленаго цвѣта съ оранжевымъ (цвѣта гвардейскаго егерскаго полка, котораго Багратионъ былъ шефомъ), убранныя, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ, георгиевскими, пропѣла, во славу героя, стихи. . . .

Въ Петербургѣ расположеніе умовъ было иное, чѣмъ въ Москвѣ: „Тамъ рѣзко осуждали наши военныя дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ обременяли ругательствами побѣдителя, съ презрѣніемъ называя его Наполеонишкой. Здѣсь, напротивъ, были воздерживѣе: всѣ чувствовали, что униженіе, понесенное арміей, неизбѣжно должно раздѣляться всѣмъ государствомъ. Самое негодованіе на сильнаго противника нашего было глубже и пристойнѣе: большаго унынія не показывали; всѣ храбрились;

послѣднюю побѣду его усиливались приписывать болѣе счастью, чѣмъ искусству, и желаніе новой съ нимъ войны было общее. Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая въ сей войнѣ, не столько ненавидѣла въ немъ врага своего отечества, какъ маленькаго поручика, дерзнуваго возсѣсть на престолъ великаго Людовика; она спѣсиво и грозно толковала о будущихъ своихъ побѣдахъ.“

У насъ было тогда не мало сторонниковъ Англіи, воображавшихъ, что только эта держава и можетъ быть намъ полезною въ разгоравшейся борьбѣ съ Наполеономъ, что она — якорь нашего спасенія. Дѣйствительно, вліяніе Англіи на наши дѣла стало въ это время усиливаться, благодаря въ особенности стараніямъ князя Адама Чарторыйскаго, который управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ и находился при императорѣ во время аустерлицкаго сраженія. Но истинныхъ патріотовъ оскорбляла мысль, что могущественная Россія должна быть орудіемъ своекорыстной англійской политики, и они не скрывали своей ненависти къ поляку, злорадство котораго, при видѣ неблагопріятнаго для насъ оборота дѣлъ, не было тайною для высшаго общества. . . .

Тягость тогдашняго своего положенія Россія почувствовала только со времени второй войны съ Наполеономъ: въ 1806 году началось усиленіе нашей арміи, а вскорѣ потомъ оказалось необходимымъ собрать и милицію; но, по словамъ Вигеля, необходимость такихъ мѣръ современники сознавали, лишь бы поддержать честь, независимость и безопасность государства. Пораженія, испытанныя прусаками, отозвались у насъ болѣзненно: „Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки“, говоритъ авторъ „Воспоминаній“: „каждое ея пораженіе какъ кияжаломъ ударяло насъ въ сердце. . . . Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену кричали всѣ отмщеніе. . . . Да притомъ Наполеонъ такъ скоро покончилъ съ прусаками, что уже приближался къ нашимъ границамъ, а у насъ еще не успѣли сдѣлать всѣ приготовленія и даже назначить главнокомандующаго. О старикѣ Кутузовѣ и слышать не хотѣли: онъ провинился тѣмъ, что молодые генераль-адъютанты на зло ему проиграли аустерлицское сраженіе. . . .“ Послали наскоро въ Орловскую губернію за старымъ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Высокое мнѣніе современниковъ о Каменскомъ, какъ объ

ученомъ тактикѣ и неустрашимомъ воинѣ (какимъ онъ былъ въ молодости), на этотъ разъ не оправдалось: тотъ, кого въ Петербургѣ принимали какъ спасителя, самовольно бросилъ армию наканунѣ перваго сраженія съ Наполеономъ и написалъ къ государю сумасбродное письмо.... Старикъ рехнулся.... Это никѣмъ не предвидѣнное обстоятельство выдвинуло впередъ Бенигсена, который доголѣ былъ нелюбимъ дворомъ и не смѣлъ показываться въ Петербургѣ: старшій по фельдмаршалѣ генералъ, онъ принялъ начальство надъ арміей и сразился съ Наполеономъ при Пултускѣ. Вигель говоритъ, что пултусское сраженіе приняли тогда за побѣду, а битву при Прейсишъ-Эйлау провозгласили рѣшительною побѣдою, но сожалѣли, что Бенигсенъ не воспользовался ею и позволилъ Наполеону расположиться на зимнихъ квартирахъ по сю сторону Вислы. Суворовъ—говорили въ то время—непремѣнно отбросилъ бы французовъ за Одеръ.

Одному изъ доблестныхъ участниковъ въ кровавомъ боищѣ 27-го января 1807 г. авторъ „Воспоминаній“ посвящаетъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ, подтверждающихъ отзывы и другихъ современниковъ о превосходныхъ качествахъ ума и сердца молодого артилерійскаго генерала графа Кутайсова. Сынъ любимца императора Павла, полковникъ въ 16 лѣтъ, графъ Александръ Ивановичъ Кутайсовъ рано испыталъ все то, что только можетъ льстить тщеславію и жестоко оскорбить самолюбіе. Онъ былъ одинаково благороденъ и возвышенъ и въ счастья, когда отецъ его имѣлъ силу, и въ несчастьи, когда недавній любимецъ государя утратилъ свое значеніе. Молодой Кутайсовъ, казалось, не замѣчалъ никакой перемены, ясно и привѣтливо смотрѣлъ на людей, будто они и не обнаруживали предъ нимъ холодности, и кончилъ тѣмъ, что привязалъ къ себѣ всѣхъ. Вскорѣ послѣ прейсишъ-эйлаускаго сраженія, за которое онъ получилъ Георгія на шею (имѣя 22 года отъ роду), Вигель былъ у него въ палаткѣ, въ лагерь подъ Витебскомъ, и съ удивленіемъ рассказываетъ объ отношеніяхъ молодого генерала къ подчиненнымъ ему артилерійскимъ штабъ и оберъ-офицерамъ: „Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его (обращеніе) чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное. Въ ласкахъ, въ фамилярствѣ его съ офицерами, изъ коихъ половина была старѣе его, чувствительно было начальство;

они же, отмѣнно свободно съ нимъ разговаривая, ни на минуту не забывались передъ нимъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его. Въ немъ была какая-то магія.“ Несмотря на то, что все вокругъ Кутайсова отличалось живостію, веселостію, какъ онъ самъ, общество офицеровъ было проникнуто такимъ духомъ приличія, что среди ихъ „могли бы не красѣя присутствовать молодыя женщины и дѣвицы.“ И эти закаленные въ бояхъ, окуренные пороховымъ дымомъ воины не знали табачнаго дыма: у Кутайсова не было ни одной трубки....

Сраженія при Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ также считались въ то время побѣдами. Вигель объясняетъ это тѣмъ, что гласности тогда никакой не было; въ вѣдомостяхъ московскихъ и петербургскихъ помѣщались лишь короткія офиціальныя извѣстія, и потому внутри Россіи и не подозрѣвали угрожавшей ей опасности. Только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, да въ тѣхъ губернскихъ городахъ, которыхъ болѣе коснулось просвѣщеніе, вѣсть о сраженіи подъ Фридрихсдорфомъ и о тильзитскомъ мирѣ произвела грустное впечатлѣніе. Обыкновенно же въ провинціяхъ веселились, играли въ карты, помѣщики гонялись за зайцами, потѣшались цыганскими пѣснями, какъ ни въ чемъ не бывало. „Ну что жъ! была война: мы побили непріятелей, потомъ они побили насъ, а тамъ, какъ водится, миръ! И слава Богу! не будетъ новаго рекрутскаго набора“, толковали между собой добрые люди, зная ничего нехотѣвшіе ни о народной чести, ни о государственной независимости. Черезъ пять лѣтъ тѣ же люди заговорили другимъ языкомъ; но тогда дѣло дошло до ихъ личности, тогда задѣло ихъ за живое....

Тильзитскимъ миромъ авторъ оканчиваетъ первый томъ своихъ воспоминаній и первый періодъ царствованія императора Александра I.